

ЦЭС — 40 лет

(Страницу подготовили наши корреспонденты М. Котлухужин и Н. Нестеренко).

Главный инженер ЦЭС Евгений Юрьевич Левитский, инспектор по эксплуатации котлов и турбин Владимир Михайлович Калашников, мастер электриков Гаврила Иванович Киров, старший инженер Анатолий Александрович Казанцев, мастер КИП и автоматики Юганс Данилович Никлаус и слесарь Федор Герасимович Акатушев начали свой трудовой путь еще до пуска станции.

РУССКАЯ НАДЕЖНОСТЬ

Центральная электростанция была мощной для своего времени станцией. А теперь станции среднего давления, какой является ЦЭС, даже не строятся. Сегодня строятся турбины, в несколько раз превосходящие по мощности все турбины ЦЭС, вместе взятые.

Это сопоставление может вызвать снисходительное отношение к ЦЭС, верой и правдой отслужившей металлургическому комбинату 40 лет. Что-то грустное есть в этом сопоставлении. Но пройдите по станции.

Мощно работают котлы и турбины. Бесперебойно стучит сердце комбината. Идет отсюда свет и электричество.

Чистота на котельном участке. Топки котлов теперь уже не поглощают ежедневно десятки тонн угля: станция работает на газе, но в любой момент она может перейти и на твердое топливо.

И безлюдно на котельном участке. Управление каждой парой котлов осуществляется с одного щита. Один машинист — на два котла. А контроль за работой первых четырех котлов поручен даже одному человеку. Находясь у поста управления первым и вторым котлами, машинист видит, как работают третий и четвертый котлы, и наоборот, находясь у второго щита, он видит как работают первые два котла.

Это объединение управления котлами — результат творческого поиска рационализаторов станции. Одно только перечисление внедренных предложений, разработанных инженерами и техниками в содружестве с машинистами котлов и турбин, слесарями и электриками, заняло бы не меньше половины газетной полосы.

На турбинном участке чувствуется напряженная жизнь тяжелых металлических громадин. Работают новые машины в старой облицовке, так можно сказать обо всех турбинах станции. Полная реконструкция, изменение «внутреннего содержания» агрегатов позволило увеличить их коэффициент полезного действия в среднем на 4—5 процентов. И у турбин иностранных фирм появилась чисто русская надежность.

Третья турбина в ряду остальных машин ничем не выделяется, но она замечательна своим происхождением. Третья турбина — это первенец Ленинградского завода.

Первенец отечественной энергетики работает на первенце отечественной металлургии. Ленинградский завод вырос за сорок лет до турбин мощностью 800 мегаватт, а Магнитогорский комбинат вырос до миллионов тонн стали в год.

САННЫЕ обоз растянулись чуть ли не на километр. В садах жмутся друг к другу путешественники. Триста пятьдесят парней и девчат, покинув родительский кров в родных деревнях, отправились в далекую дорогу. Их поехали строить первой пятилетки...

На станции Джаркуль сидели несколько дней в ожидании вагонов с Тагилстрой (молодые строители заключили трудовой договор именно с Тагилстроем). Но вагоны подал Магнитострой. Все триста пятьдесят человек единодушно решили: «Даешь Магнитострой!» — и погрузились в теплушки, чтобы ехать возводить металлургический гигант.

Так Гаврила Киров, семнадцатилетний парень из деревни Усть-Уйск, закончивший курсы арматурщика в ЦИТе (центральный институт труда), прибыл на Магнитострой. Работал бетонщиком, арматурщиком — строил центральную электростанцию.

Киров вошел в отряд строителей первой электростанции в марте 1931 года. К этому времени основной корпус станции уже стоял, опутанный лесами и тепляками; росли последние этажи. У северного торца растущего здания стоял паровоз, он давал тепло.

Жил Гаврила вначале в палатке, потом переселили его в земляной барак. Еще через несколько месяцев был отведен

угол молодому строителю в каменном бараке. В огромной комнате, на 35—40 человек, он жил вместе с плотниками из знаменитой бригады Козлова, которому первому на Магнитострое вручен был орден Ленина.

В стенах шестого и седьмого этажей основного корпуса навечно положена стальная арматура руками Гаврилы Кирова. Укладывал армату-

ребятам работа на главном распределительном устройстве показалась просто легкой. Они стали выполнять нормы на 150—160 процентов. Иностранцев это и поразило и возмутило. «Как можно так работать?» — жаловались они прорабу. Прораб же им ответил, что ждать некогда, и их, иностранных арматурщиков, темпы просто недопустимы. Обиделись

в котловане, боясь пошевелиться, примерно часа полтора.

Эта злая «шутка» электричества даром не прошла. Арматурщик Киров после завершения строительства ЦЭС переквалифицировался в электрика и сам стал повелителем тока.

Когда Гаврила был зачислен в ЦИТ, за душой у него не было ни одного класса образования. Из-за этого его даже не хотели брать на курсы арматурщиков (спасло только то, что парень, не посещая школу, постигал азы грамоты). На Магнитке пришлось учиться. Курсы электриков. Курсы мастеров дважды закончил. Киров шел на это, чтобы больше познать, чтобы укрепить свою власть над сложными машинами, над электричеством.

...Ветеран центральной электростанции Гаврила Иванович Киров принес показать главному инженеру станции, тоже ветерану, Евгению Юрьевичу Левитскому свое коротенькое выступление, подготовленное для юбилейного вечера. Старый мастер моторно-генераторного хозяйства (Гаврила Иванович с 1946 года работает мастером) мог бы рассказать много интересного, что запомнилось на всю жизнь. Но сколько расскажешь в пятиминутном выступлении! Трудно было работать, полагаясь только на силу своих рук, но все-таки были преодолены все трудности.

ПРЕОДОЛЕВ ВСЕ ТРУДНОСТИ

ру в фундамент третьего генератора и третьего котла. Фундамент под самым большим — четвертым агрегатом возведен тоже при участии Кирова.

На строительстве электростанции так же, как и на других объектах Магнитки, трудилось немало иностранных специалистов. Гавриле Кирову и его товарищам пришлось как-то брать «на буксир» иностранных арматурщиков, работавших на главном распределительном устройстве станции. После укладки фундамента под четвертый агрегат нашим

иностранцы, немного времени спустя уехали.

Когда соорудался фундамент для пятого котла, произошло первое «близкое знакомство» Гаврилы Кирова с электричеством. Наверху, над котлованом, тянулись провода к прожекторам. И вот как-то оборванный провод упал в котлован; заметались искры по решеткам арматуры, послышался сухой треск. Почти всех, кто был в котловане, встряхнуло, все моментально отдернули руки от арматуры. Кто-то крикнул: «Стойте и не шевелитесь!» Так и простояли

„ТОК — В СРОК!“

На стене у входа в ЦЭС укреплен мемориальный щит. На нем отлито: «1931. Ударная комсомольская стройка». Она напоминает о героической стройке, о тех, кто возводил первый энергетический гигант на Магнитке.

20 июля 1930 года были начаты земляные работы, а уже 23 октября 1931 года центральная электростанция дала первый промышленный ток. За 15 месяцев выросла мощная по тем временам тепловая электрическая станция из четырех котлов и четырех турбин. Иностранцы специалисты, работавшие тогда на строительстве, не могли понять, какая сила движет людьми, что их заставляет вдвое сокращать сроки, узаконенные на монтаже подобных станций за границей.

Действительно, трудно было понять комсомольских прорабов Елену Джапаридзе и Людмилу Волнистову и людей, работавших под их руководством. Горячая, боевая и удивительно трудолюбивая Люда Волнистова и ее товарищи отказались от помощи иностранных шедов и штурмовали монтаж распределительных устройств и двигателей в главном корпусе, где строители еще не успели снять опалубку с железобетонных конструкций.

Коллектив под руководством Елены Джапаридзе на монтаже главного щита управления добился рекордной производительности. Прораб организовала монтаж щита под открытым небом отдельными блоками. А потом блоки поднимались

и собирались уже на месте в единый щит.

После напряженнейших смен строители оставались на субботники, часто по ночам поднимались и шли на разгрузку вагонов с материалами, с оборудованием. Если отставал какой-либо участок, коллективы других участков «брали на буксир» отстающих. И это было непонятно иностранным специалистам.

Не могли взять в толк консультанты из-за рубежа, как смогут почти безграмотные люди управлять сложнейшими агрегатами. Может, мыслили они так же, как мастер Шпрот из «Индустриальной истории» Бориса Ручьева:

«Что ж ты хочешь, касатка Россия, с ничтою бросаясь в бой, или технику лбами осиять голорукие слуги твои?»

Свободные советские люди возводили первые свои заводы, становились хозяевами этих новых гигантов индустрии. Каждому хотелось сделать все от него зависящее, чтобы ускорить приход светлого будущего, чтобы лучше жилось в первой Стране Советов.

На ударной комсомольской работе под одним девизом: «Ток — в срок!» В срок надо было дать электрическую энергию горнякам, коксохимикам, домнщикам. Вспоминаю один исторический снимок. На нем изображен первый турбогенератор, пущенный на ЦЭС. На турбогенераторе было написано: «Ток — в срок!»

Первый промышленный ток был дан в срок.

Машинист котла Николай Семенович Шакин отдал любимой работе 27 лет своей жизни. Передовик производства, он хорошо помнит то время, когда в топках котлов сжигался уголь. С 1945 года на глазах у Шакина произошли большие изменения. Сейчас Николай Семенович вполне может работать в белом халате.

Кавалер ордена Трудового Красного Знамени Валентина Владимировна Бурканова постоянно обеспечивает экономичную и бесперебойную работу мощных турбин. Машинист турбин Бурканова достигла больших высот мастерства.

